

Когдаходишь к Городу с моря, то он постепенно вырастает неровной стеной за густым частоколом мачт, труб и порталных кранов, напоминающих гигантских журавлей, а над всем этим царит силуэт Оперы: синевато-серый двойной купол и четыре высоких трубы с громотводами...

Прожив два десятка лет в Алма-Ате, я почти ежегодно летал в Одессу и иногда заходил в мастерскую художника Вити Векслера на Преображенской улице. Она занимала помещенье, похожее на мансарду — что-то вроде шестого этажа. В одном из окон мастерской сквозь дымку была видна голубоватая полоска моря, сливающаяся с выцветшим июльским небом, купы акаций, кленов и крыши, крыши!.. Художник рисовал вид из окна в разные времена года, и на больших листах торшона появлялись изумрудная весенняя зелень под шелково-синим майским небом, желтый и серый ракушечник старых одесских домов; мокрые осенние крыши, блестящие под дождем, словно неровные зеркала; косой снежный пикетир, а где-то над всем этим — все тот же выразительный двойной купол...

* * *

Смешение разных, зачастую несовместимых архитектурных стилей называют эклектикой. Но это уже, собственно, не стиль... В Опере можно обнаружить классическое венское и украинское барокко, рококо, итальянское Возрождение и еще Бог знает что! Спроектированный австрийскими архитекторами Г. Гельмером и Ф. Фельнером театр возвели и внесли в него много своего, одесского, архитекторы А. Бернардацци, Ф. Гонсиоровский и Ю. Демитренко; скульптурные украшения в зале создал Товий Фишель...

В 70-х годах я учился в аспирантуре Одесского сельхозинститута, и у нас на кафедре ботаники много лет работала уже немолодая лаборантка Эмма Товиевна Фишель. Как-то я спросил ее: "Эмма Товиевна! В Пассаже есть мраморная доска, и на ней вырезана фамилия Т. Фишель. Это не ваш родственник?" "Это мой папа... Он делал скульптуру в Пассаже... И в Опере тоже..."

Над Театральным переулком (ныне пер. Чайковского) нависла тыльная стена Оперы. Когда стоишь рядом с нею, она кажется бесконечной! Слева в переулок спускается широкая чугунная лестница с гербами Города — почему-то их не сняли когда-то, и они сохранились вместе со своими якорями-кошками и царскими двуглавыми орлами... Внизу на тумбах — большие торшеры на чугунных львиных лапах. И огромный платан, протянувший свои мускулистые руки ветви над лестницей...

В дождливую погоду, в туман вниз по ветвям и стволу платана медленно ползут клочки пены, а в ясные дни кажется, что листья его, похожие на зубцы короны, излучают свет.

С другой стороны театра была когда-то очень узкая и крутая лестница в проходе ущелья между стеной Оперы и соседним домом. Я сказал — была... Вообще-то она существует и поныне — с сильно вытертыми посередине ступенями. Но старый дом давно разрушили, на его месте построили новую лестницу, а старую отгородили, и по ней уже никто не ходит. Мой приятель Саша Розенбойм назвал ее однажды "покойной лестницей"...

* * *

Я хорошо помню баррикаду перед Оперой... Это было в августе 1941 года. Мешки с песком, вывороченные из мостовой гранитные кубики, старые шпалы, трамвайные рельсы. А потом... Потом в Городе были немцы и румыны.

"Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории музыки и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря тому, что Красная Армия быстро заняла Одессу, им не удалось осуществить свой варварский план".

"О злодеяниях, учиненных немецко-румынскими захватчиками в городе Одесса и районах Одесской области" (Украинское государственное издательство; Киев, 1944).

Январь 1949 года... Я иду с папой в Оперу, да еще и на "Евгения Онегина"! Событие значительное в моей жизни! Театр мне даже снился... Этому походу предшествовали долгие разговоры, расспросы, приготовления. Вообще-то мы с мамой смотрели балет Р. Глиэра "Красный мак", но я был тогда совсем маленьким и запомнил только, как на огромном блюде кланяющиеся люди в черном вынесли на сцену... маленькую голую женщину с ярким веером и красным цветком в волосах, очень похо-

тящими лацканами и уголком белого платочка в нагрудном кармашке. Во всем чувствовалась какая-то торжественность, истовость, как в храме. В театр пришел ЗРИТЕЛЬ!

Заиграл оркестр. Сначала я не понял, откуда идет звук: акустика зала была великолепной, а я почему-то не связывал музыку с оркестровой ямой и освещенными нотами на люпитрах. Потом медленно поплыл вверх тяжелый занавес... Помню Татьяну в голубом платье, с длинными косами — они мне показались слишком уж длинными, почему-то очень толстую, но удивительно подвиж-

продолжением... Наконец, трижды погасили лампы в золоченых торшерах и причудливых бра, и мы с папой вошли в зал. Снова медленно пополз вверх занавес, на сцене в изящном вальсе закружились пары; Татьяна уже была в нарядном балльном платье и большом темно-малиновом берете с белоснежным плюмажем, ее вел под руку седой военный с пышными эполетами... Я смотрел на сцену, но действие воспринимал довольно смутно — вокруг была МУЗЫКА... Наконец, Татьяна оставила Онегина перед закрытой дверью, дирижер резко бросил руки в стороны и вниз.

Эрнст ЧЕРНЕНКО

ОПЕРА

Светлой памяти Коли — друга детства и зрелых лет...

жую на папину родственницу тетю Тамару — она была солисткой балета... Через много лет мама рассказала мне, что тетя Тамара была одета тогда в плотное трико телесного цвета... В нашей семье рассказывали легенду о том, что, когда я родился, и эмоциональная тетя Тамара узнала, как меня назвали (Эрнст, Эрик), она разрыдалась: "Почему ребенка так назвали? У нашей соседки собачку зовут Эрик..."

Так что, в сущности, на опере я еще не был в театре, да и вообще забыл, как он выглядит. Но вот мы с папой сидим в первом ряду амфитеатра, у самого барьера. Я ошеломлен буквально всем: поблекшей позолотой лепнины на балконах и потолке, гигантской люстрой, изрядно вытертым темно-вишневым бархатом кресел, кое-где сорванным или вырезанным, оживленной толпой, каким-то особенным и неповторимым запахом, который можно почувствовать только в старом театре. Зрители в основном были одеты кто во что (ведь и четырех лет не прошло, как окончилась война), но изредка попадались темные вечерние платья с декольте (что почему-то слегка смутило меня), белоснежные боа на зябнувших плечах — театр еще плохо отапливали; строгие черные костюмы с блес-

ну, и Ольгу в традиционном розовом, наоборот, слишком медлительную — я к тому времени уже едва ли не наизусть знал "Онегина"... Я видел на сцене то, что много раз делала моя мама: две немолодые женщины в белых чепцах варили в большом латунном тазу варенье... И пели... Пели девушки, собирая вишни; смешной человек в рыжем парике и голубом костюме с короткими штанами, ломая русский язык, пел Татьяне поздравление с днем рождения... А потом опустился занавес, артисты вышли к рампе кланяться — они щурились в свете прожекторов, а зал еще был темным. Лампы в гигантской люстре постепенно загорались все ярче и ярче, в ложах засветились бра с острыми матовыми колпачками на лампах, быстро пустела оркестровая яма — на стульях лежали инструменты, желтели старые ноты на люпитрах...

Мы с папой вышли из зала, он повел меня в буфет с низким потолком и купил пирожные. В антрактах мы ходили по всему огромному зданию, по его Большой парадной лестнице, посмотрелись в большое зеркало с кое-где отслоившейся амальгамой; я глазел на богатую лепнину с потускневшей позолотой, музыка все еще звучала во мне — барочные украшения были как бы ее

Опустился занавес, артисты снова кланялись перед кроваво-красным занавесом в пыльных полосах света, народ повалил из зала, а я все еще сидел... Папа тронул меня за плечо: "Пойдем... Уже все закончилось, и больше ничего не будет..."

* * *

В школьные годы, начиная примерно с шестого класса, я часто ходил в Оперу, причем исключительно на воскресные, утренние спектакли, благо билеты на них стоили дешевле... Однажды (это было в конце февраля 1953 года, незадолго до смерти Усагого...) мама выделила мне два рубля, я заранее купил билет и в воскресенье отправился в театр. В одном спектакле давали "Вальпургиеву ночь" и "Паяцев". На одном дыхании, без перерыва прозвучала изящная и торжественная музыка Гуно, отплясала свой бурный танец Огненная ведьма, отгремел-отбушевал бесовский шабаш, после антракта медленно погасили огни, и дирижер Русинов, перегнувшись через пульт, что-то сказал первому скрипачу, а потом поднял руки, медленно опустил их, полилась мелодия вступления, и после короткой паузы в центре светового круга на занавесе из складок возник (именно

В Питере отстояли, а в Одессе — отстоим?

Общественность города ведет затяжной и пока безуспешный бой за то, чтобы Дом книги на Дерибасовской остался Домом книги. Оказывается, подобная ситуация сложилась и в Питере. И там ленинградцы победили. Нам в пример! Об этом в конце февраля рассказала "Литературная газета".

Петербургский Дом книги останется на Невском проспекте еще как минимум 49 лет

В последние годы не прекращались попытки выселить Дом книги из исторического особняка Зингера на Невском. Предлог — необходимость эффективного использования недвижимости в центре города, которую можно разбить на офисы и с выгодой сдать в аренду. Эту почти предпринятую акцию группа известных писателей в письме, опубликованном "ЛГ", назвала "коммерческой зачисткой" и новым унижением питерской интеллигенции. Обращаясь к Смольному, литераторы требовали учесть и документально закрепить особый статус Дома книги как уникального учреждения культуры и лидера российской книжной торговли.

Здание на Невском проспекте, 28, построенное по проекту Сюзора для компании по изготовлению швейных машин "Зингер", — памятник архитектуры, один из первых образцов модерна в Петербурге. Для его фасада скульптор Адамсон создал образы "Промышленность" и "Морепла-

вание", а в конструкции впервые в России был применен железный остов, поддерживающий все полы и перекрытия. Вскоре после Октябрьской революции, 19 декабря 1919 года, здесь открылся первый государственный книжный магазин Петрограда. Сегодня Дом книги — не только символ культурной столицы, но и успешное хозяйственное предприятие, о чем говорят растущие год от года налоговые поступления в бюджет и расходы на собственное развитие, расширение торговой сети (сейчас это семь магазинов), не говоря уже о закупках книг, оно ни копейки не берет у города.

И вот, наконец, здравый смысл возобладал! Как рассказал "ЛГ" вице-губернатор Петербурга Валерий Назаров, особняк передан Дому книги на 49 лет, причем решением правительства с ним будет заключен договор прямой аренды. Он подтвердил, что Дом книги — в числе немногих эффективных ГУПов (государственных унитарных предприятий), его рентабельность превышает 20 %. ГУПы (в Петербурге их почти тысяча) — большая тема для городской администрации. В

минувшем году 26 из них упразднено, около ста планируется реорганизовать. Дом книги отныне оставят в покое, более того, город передает ему дополнительные площади под магазины в Кронштадте, у метро "Пионерская", в Красном Селе и Московском районе. Это очень актуально для жизни городских окраин: поездки на маршрутке в Дом книги подчас удваивают стоимость покупки. Да и тесно уже гиганту на двух этажах особняка, где ежедневно совершается более 20 тысяч покупок.

Вместе с тем благодаря внесенным в устав Дома книги изменениям город не допустит изменения профиля его деятельности. Но вот насколько новый договор гарантирует стабильность положения самого Дома книги, защитит его от возможных притязаний переменчивых властей? По мнению директора предприятия Галины Самохваловой, в ближайшие полвека перевезти ему не грозит, что можно считать победой писательской и читательской общности. Кстати, в его ассортименте наряду с художественной очень широко представлена специальная литература: ее в буквальном смысле "КамАЗами" везут из Москвы, где находится большинство специализированных издательств.

Аркадий СОСНОВ.

"В ХИРУРГИИ"

Так считает заведующий торакальным отделением Одесской областной клинической больницы, кандидат медицинских наук, хирург высшей категории Павел Павлович Шипулин. Весь его 27-летний опыт хирурга и весь опыт отделения,

Фибробронхоскопию проводят старший ординатор Сергей Агеев и сестра эндоскопического кабинета Лариса Михайлова.

которое в апреле нынешнего года будет праздновать свой полувек юбилей, подтверждает это. И такая команда в отделении уже давно есть.

Она начала формироваться еще при первом заведующем отделением, доценте Иване Пантелеймоновиче Белявском, и его последователях, окончательно сформировалась при замечательном хирурге, доценте Виталии Васильевиче Пироженко, много лет возглавлявшем отделение. И эта традиция команды только укрепилась при предшественнике Павла Павловича Шипулина, Марии Семеновне Бережной, до сих пор ведущей поликлинический прием в больнице.

Фактически нет видов хирургической помощи больным с патологией грудной клетки, которые бы не оказывались в торакальном отделении. И при онкологических заболеваниях, и при различных травмах груди (специалисты отделения круглосуточно готовы выехать в любой район области для оказания помощи), и при заболеваниях пищевода, когда необходимо хирургическое вмешательство с последующей т. н. пластикой и реконструкцией удаленных органов. Раньше для таких операций необходимо

возник!) внезапно невысокий широкоплечий человек с соломенно-желтыми лохмами на голове, в крохотном зеленом колпачке, с красным носом-бульбой, в нелепом балахоне из серых и темно-зеленых кусков мешковины — Тонио... Он спел пролог, действие началось, и я, как всегда, погрузился в музыку, ничего не замечая вокруг. Короткая опера закончилась, народ повалил из зала в гардеробы, меня вынесло с толпой на улицу. Я шел, забыв обо всем, и только когда дошел до угла Ришельевской и Дерибасовской, вдруг почувствовал холод... Взглянув в стеклянную дверь шашлычной (там была еще в то время знаменитая официантка тетя Утя — болезненно толстая, переваливающаяся на ходу), я увидел, что стою без шапки, без пальто, в одном грязно-сером лыжном костюме — были когда-то такие, с карманами и манжетами на брюках и рукавах... А морозец был этак градусов пятнадцать! Я рванул к Опере (откуда еще шли зрители), толкая всех по пути, взбежал по крутой винтовой лестнице к гардеробу галереи. Гардеробщица — пожилая женщина в темном блестящем халате с белым воротником — подавала шубейку девчонке в валенках; полез в карман — номерка нет, потерял! Я показал гардеробщице свое пальто и сказал, что потерял номерок. "А ты уверен, что это твоё пальто? Скажи, что у тебя в карманах?" В карманах было пусто, но я вспомнил, что в левом — дыра... Женщина засмеялась, сняла и протянула мне мою старенькую "московку" с облезшим цигейковым воротником...

* * *

1967 год. Опера в лесах — идет реставрация. Строительный мусор, белая известковая пыль. Меня провели внутрь — очень уж хотелось посмотреть, как все это делается. Непривычно было видеть здесь после идеальной чистоты следы алебастра, обрезки досок, стружки, обрывки упаковочной бумаги, вдыхать запах краски... Мы подошли к Большой лестнице, и я увидел, как покрывают позолотой одну из чугунных скульптур — "Мазурку". Очищенное до обнаженного металла место мастер намазывал каким-то клеем, потом отрывал от пачки (вроде блокнотика) фантастически тонкий листок сусального зо-

лота — слегка зеленоватого на просвет — и кисточкой прижимал к намазанному месту, похлопывая ею, заполняя мельчайшие неровности чугуна. Мы постояли недолго, и вот перед нами предстало удивительное зрелище: вся скульптура (кавалер с дамой) — ободранная, очищенная от старой краски, а голова кавалера в парике сверкает золотом!..

* * *

Коля — мой одноклассник, друг детства. Мы дружили с ним со времен незапамятных, а вернее — со второго класса... Вот передо мной снимок, сделанный в знаменитом "Фото Бескина" на Старопортофранковской в 1948 году. На нем — наша учительница Евгения Ивановна Глуценко в окружении учеников. Здесь Алик Вайнтрауб, Шурик Песчанкер, Толя Каледин, Толя Кириллов, Толя Ваврух, Костя Буяльский. За спиной учительницы стоит автор, то есть я, прямо перед ней сидит Коля... С ним мы общались помногу и часто еще до моего переезда в Алма-Ату и потом, когда я почти каждый год прилетал в отпуск в Одессу, благо, Коля жил всего в нескольких минутах ходьбы от моего отчего дома...

Однажды (это было под Новый год) Колька пришел ко мне в плохом настроении... Молча, глядя мне в глаза, он стал извлекать из портфеля бутылку мускатовского "Муската" ("Коля!.. Зачем? У нас же своя "Изабелла"..."), коробку киев в томатном соусе (классическая закуска! Но не для "Муската"...), нарезанную колбасу в толстой серой магазинной бумаге почти картонной толщины. "Принеси тару и хлеб..." Я пожал плечами и принес старинные граненые стаканчики моей покойной бабы Клавы, "Бородинский" хлеб... А потом Коля сказал мне, что поспорил со своей Лилькой (это его жена; они долго прожили вместе, и дай Бог всякому прожить так) и не хочет куда-то идти с ней встречать Новый год. "Приходи ко мне часов в 10, поспим, послушаем музыку..." Когда я пришел, Коля уже жарил картошку, ставил на стол соленья. На радиоле в углу пела скрипка, чайник на плите тихонько посасывал. Коля вышел и вскоре вернулся, держа в обнимку запотевший десятилитровый

(!) стеклянный баллон, в котором плескалась молодая "Лидия" уходящего года. Мы неплохо посидели... И даже не заметили, как наступил Новый год. Хрустели на зубах жареная картошка и соленые огурчики, уровень "Лидии" в баллоне неуклонно понижался... Исая Браудо низвергал на нас гениальные юношеские импровизации Баха, мы вспомнили нашу 14-ю школу, говорили об Опере. Оказывается, Колина бабушка была в ней на "Пиковой даме", которой дирижировал Чайковский, и видела его одесский триумф! Я вспомнил, что реставраторы допустили ошибку, и латинская надпись на картуше над портиком гласила: "Сгорел и восстановлен в 1968 году"... Конечно, надпись потом исправили... Коля извлек откуда-то старую подшивку "Одесского листка" и вытаскил из нее вырезку из газеты за 1927 год. В заметке говорилось о большом пожаре в Опере, на тушении которого отличился Колин родственник — он работал в пожарной команде на Госпитальной...

Мы выходили во двор подышать свежим воздухом под морозящий мелкий одесский туман, пахнувший старыми деревянными шпалами со Второй заставы и молотым жареным кофе с "соевого" завода на недалекой Бугаевке, официально именуемого тогда заводом пищевых концентратов.

Я взглянул на часы — было около пяти утра, потом посмотрел на баллон и засмеялся: "Лидия" там едва-едва покрывала доньшко... Я похлопал Колю по плечу и показал глазами на баллон. "Что? Мало? Принеси еще?" — он привстал, чтобы отправиться в погреб за новой посудиною. "Не надо, Коля..." Потом мы вышли и целый час бродили по нашему поселку ЗОР, а потом разошлись по домам, когда небо уже начало светлеть...

Однажды мы с Колей долго ходили по Городу: прошли по Балковской, по Приморской от Пересыпского моста, поднялись по лестнице к Дюку, постояли у Пушкина, потом прошли мимо служебного входа в Оперу, вспомнили Колькиного отца — Павла Нисимовича, дядю Пашу... Потом Коля подвел меня к одной из боковых дверей театра и показал на них: "Смотри!" Я: "Ну и что?" А рядом были точно такие же двери, только потемнее, из

старого дуба. "Во-во", — Коля всегда говорил тихо, не кричал, как почти все глухие. "Моя работа..." На своей деревообделочной фабрике он выполнял индивидуальные заказы, и ему поручили при реставрации Оперы "построить" двери... Они почти не отличались от старых.

Всякую, даже мелкую работу Коля делал истово, священнодействовал. Как настоящий Мастер, который просто не может что-то делать как попало. Он был глухой... Но мы с ним часто ходили в Оперу, сидели в ложе прямо над тромбонами и слушали МУЗЫКУ... Он редко пользовался слуховым аппаратом.

А Колин отец, дядя Паша, много лет проработал в Опере тромбонистом. Вообще же он хорошо играл на всех духовых инструментах, но больше других любил тромбон. Он сравнивал его со скрипкой: "На тромбоне, как и на скрипке, нужно создать мелодию!"

Как-то я встретил П. Н. на улице. Он куда-то спешил, был мрачен. Под мышкой нес баритон. Я спросил его достаточно бестактно: "Дядя Паша! Далеко собрался?" "Жмура лабать, — ответил он. — Будь здоров, я побегал". Он подрабатывал игрой на похоронах.

* * *

Однажды, когда я уже учился на первом курсе института, в наш подвал на Градоначальнической пришел Коля: "Помоги отвести бату на работу..." Я удивился: "А что случилось?" "Да ничего особенного... Просто он под сильной "мухой" и плохо стоит на ногах..." "А как он будет играть?" "Посмотришь... Он же будет сидеть, а не стоять..."

К вечеру я зашел к Коле. Дядя Паша и в самом деле был очень "хорош"... Впрочем, среди эмоциональных музыкантов это бывает. Мы помогли ему облачиться в черный фрак (тогда директор только-только справил оркестрантам белые и черные фраки с пластронами и галстуками бабочкой), втиснули его в пальто, нахлобучили шапку (дело было в промозглом одесском марте). Потом мы ехали в 15-м трамвае, в троллейбусе и, наконец, добрались до служебного входа. Коллеги весело приветствовали П. Н., отпуская соответствующие шуточки... Мы раздели его, вру-

чили инструмент, усадили на место рядом с другими тромбонистами. Я стал наблюдать... Вот ртутным шариком быстро прокатился между музыкантами невысокий, полный дирижер Сипитинер, встал за пульт, повернул палочкой, поднял руки, повернул голову налево, направо, кому-то подмигнул, потом резко бросил руки вниз — оркестр заиграл увертюру, давали "Кармен". П. Н. держал в руках инструмент и, казалось, дремал, но — взгляд дирижера в сторону тромбонистов, и все четверо (конечно, и П. Н. тоже) в такт легко двигают кулису, работают, а потом, опустив тромбон между коленями, слегка наклонившись, всматриваются в ноты. Снова взгляд — тромбоны поднимаются, тореро готовится к схватке с быком под торжественно-боевой марш!

Дядя Паша был профессионалом высокого класса не только в музыке. Выйдя на пенсию, он делал клетки для птиц и... великопные дамские туфли!.. Они были настоящими Мастерами своего дела — отец и сын. Брат позвонил мне из Одессы: "Умер Коля..." Я еще никогда не ощущал такой пустоты. С Колей ушли детство и юность, ушло многое... И Опера тоже...

* * *

Четкие силуэты сосен. Их верхушки когда-то срезали, и они стали похожи на итальянские пинии... А за ними в тумане едва видна громада Оперы. Остатки перемолотого машинами грязноватого снега перед портиком. Асфальт — словно река, в которой отражаются скульптурные группы: сцены из античных трагедий...

...Неяркое осеннее солнце, сильный ветер метет вниз по Ланжероновской сухие желтые листья... Где-то в вышине в стремительном движении застыла Мельпомена на колеснице, влекомой мускулистыми львами. В поднятой руке — факел; словно от влажного осеннего ветра, развевается хитон. Немного ниже, по обе стороны аттика Орфей играет на арфе кентавра и Терпсихора с флейтой Пана в руках учит девочку танцевать...

...На русте стены первого яруса — рогатые тены чугунных торшеро...

Одесса. Алма-Ата — Израиль.

ДОЛЖНА РАБОТАТЬ КОМАНДА!"

было ехать как минимум в специализированные центры Киева, сейчас же они успешно делают в отделении и, как особо подчеркивает Павел Павлович, при нулевой летальности. Кстати, и при операциях на легких в отделении — лучший результат по Украине. Также в отделении успешно занимаются таким заболеванием, как миастения, т. е. патологией вилочковой железы, вызывающей мышечную слабость. Делаются там и такие сложные операции, как удаление легкого с резекцией части сердца и трахеи. А еще не так давно в отделении делали до 50 — 60-ти в год имплантации кардиостимулятора. И только нынешняя экономическая ситуация, когда самому больному приходится искать средства для его приобретения, привела к значительному их сокращению. Если же исходить из уровня хирургов, а в отделении работают хирурги только высшей и первой категорий, то развитие кардиохирургии в отделении тормозится исключительно отсутствием аппарата искусственного кровообращения, без которого невозможны операции на работающем сердце. Точно так же отсутствие видеоэндоскопической стойки, позволяющей с минимальными разрезами проводить

операции внутри большого с контролем происходящего на экране, ограничивает возможности быстрого и успешного лечения с ранней послеоперационной реабилитацией.

— К сожалению, — с горечью говорит заведующий отделением Павел Шипулин, — те богатые люди, которые могли бы оказать помощь в приобретении необходимого оборудования, предпочитают лечиться за границей, забывая, что не в любой ситуации можно до этой заграничной доброты. Ведь достаточно большое количество случаев нашего хирургического вмешательства и оказания экстренной помощи связано с автотрагедиями. Поэтому помощь в обеспечении наших медицинских учреждений современной аппаратурой — это обеспечение самих себя возможностью получить помощь в экстремальной ситуации.

— Я проходил стажировку в США, — продолжает он, — и совершенно определенно могу сказать, что по качеству специалистов мы не отстаем. Единственное их преимущество — это техническое обеспечение. Но при всем этом могу сказать: я сталкивался с тем, что и у больных, которые оперировались в Германии или Израиле,

результат отнюдь не всегда бывает хороший. Ведь главное — чтобы к врачу обращались при первых симптомах. Сейчас же приходится сталкиваться с тем, что больные приходят с запущенной формой заболевания, когда помочь уже практически нельзя. Особенно печально, когда причиной того, что люди не обращаются к нам за помощью вовремя, являются разговоры о каких-то немислимых гонорах, которые якобы приходится платить хирургу. Я считаю такие разговоры просто безобразием. Как должностное лицо, я отвечаю, что никто и никогда никакие гонорары за лечение назначать не смеет. Единственное, с чем действительно приходится сталкиваться нашим пациентам, это обеспечение себя медикаментами. Как ни пытаются, как ни бьются, что ни делает для отделения и всей больницы в целом наш главный врач Неля Федоровна Гоженко, при мизерном, ниже всякой критики финансировании медицины с этим ничего поделать нельзя.

Хотя мы и областная больница, среди наших 45-ти проходящих лечение в отделении пациентов много горожан. Мы никому не отказываем. Я считаю, что больная должен иметь право выбора того, где ему ле-

читься, и никакое администрирование (вроде того, чтобы эти лечились только здесь, а эти только там) недопустимо. Я не считаю нужным скрывать, что сейчас идет борьба за больное, и конкуренция возрастает.

Записал
Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Фото автора.

У постели больного после удаления и восстановления пищевода зав. отделением Павел Шипулин, доцент кафедры торакальной хирургии Владимир Байдан, магистр ОМУ Ольга Кашенко и хирург-ординатор Виктор Байдан.